

МИР КРИТИКА

ПРЕЖДЕ чем написать, сложить, собрать книгу критических статей и воспоминаний «Жизнь и память», где под общей обложкой встретились статьи и рецензии, непосредственно вторгающиеся в сегодняшний литературный процесс с его нынешними приобретениями, спорами, и воспоминания о людях, давно уже ставших славой и гордостью советской культуры, надо было прожить долгую жизнь. Не просто долгую. Очень насыщенную, богатую событиями и впечатлениями, отмеченную широтой интересов, пристальным, не слабеющим вниманием к творцам и творчеству. Жизнь, которую, оглядывая все написанное критиком, хочется охарактеризовать одним словом — как **неравнодушную**.

Наверное, Евгения Книпович с полным основанием могла бы повторить слова одного из любимых своих поэтов — Николая Тихонова: «Мой век меня вниманием не обидел, я многое могу порассказать...».

В своей книге она многое рассказала: о встречах, беседах, дружбе, совместной работе с Тихоновым, Фадеевым, Ауэзовым, а в начале 20-х годов — с Александром Блоком. Кто из наших современников мог бы сегодня сказать: «Я видел Блока»? А Евгения Книпович была близким другом поэта и его семьи, сотрудником в литературных делах, и хорошо, что спустя шестьдесят лет сумела с такой завидной памятью и вниманием приписать несколько драгоценных штрихов к портрету Блока, сохранить точные, пронзительные его суждения об искусстве и литературе.

И все-таки, я думаю, сборник статей Е. Книпович не случайно озаглавлен так, что на первом месте стоит слово «жизнь». Это больше отвечает темпераменту критика. Память прошлого для автора книги не есть нечто спокойное, благостно- созерцательное, «историко-литературное». Да она и сама в воспоминаниях о Блоке написала, что не имеет «данных летописца». В суждениях о временах

Е. Книпович. «Жизнь и память. Статьи. Воспоминания». Издательство «Советский писатель». М. 1983.

прошедших всегда видна определенность гражданской позиции. Вывешивать прошлое днем сегодняшним — одно из обязательных условий анализа: и то, что критик приемлет, и то, что не приемлет, во всем умеет она найти преемственность, связь, притяжение или противоборство и отталкивание. Но движение современной литературы, но осмысление текущего литературного процесса было и остается главным объектом критического исследования, занимает Книпович в первую очередь. Круг авторских интересов в этой книге, как, впрочем, и во всех предыдущих, широк и разнообразен. Внимание критика привлекает многое. При том, что Книпович свойственно постоянство симпатий и привязанностей. Но если в разные годы критик с неизменной увлеченностью возвращается к одним и тем же художникам, то заранее можно сказать, что всякий раз будет судить о них не только заинтересованно и требовательно, а как бы на новом витке собственного мировосприятия.

И, конечно же, большой жизненный опыт, широта кругозора, историзм мышления, проявляющиеся в критических статьях Книпович, помогают глубже раскрыть смысл и значение того или иного произведения, увидеть его не изолированно, а так сказать, в контексте времени, в соотношении с другими произведениями.

Это относится и статье о «Русском лесе» Леонида Леонова, и статье о Валентине Катаеве, где критик, анализируя «Алмазный мой венец», темпераментно отстаивает право художника писать произведения, «обладющие чертами мемуарной формы», свободнее, раскованней, чем это принято в документальной прозе и дозволено мемуаристу, пишущему свою книгу именно как мемуары. И к статье «Мужество выбора» — о творчестве Ольги Форш. Стремясь отчетливой проследить пройденный писательницей нелегкий путь, кри-

тик обращается к литературному иллюстрированию, рисует картины литературной жизни в годы столыпинской реакции, когда молодая еще беллетристика, близко подошедшая ко всем соблазнам российского и зарубежного декаданса, искала для себя новые темы. Те, что предопределили ее будущее, послеоктябрьское творчество.

Можно сказать, что цикл статей о литовских писателях старшего поколения и среднего, тех, кто встречали войну 13-летними подростками, воспринимается как своего рода маленькая антология литовской прозы последних лет. А заметки о творчестве известной чешской писательницы Марии Пуймановой, югослава Иво Андрича, одного из видных писателей ГДР Германа Канта стоят иных пространственных монографических трудов.

С сознанием своей причастности к тому, что стало делом и ее жизни, как о собственном, личном, пишет Е. Книпович о работе товарищей по критическому цеху. Здесь в первую очередь хочется назвать литературный портрет Александра Макарова, замечательного критика, чья похвала или укор много значили на весах общественного мнения.

В краткой рецензии, естественно, невозможно перечислить все статьи, включенные в сборник. Да в этом и нет необходимости. Мне хотелось лишь дать общее представление о разнообразии интересов критика. Если же продолжать перечень, пришлось бы добавить недавние критические статьи Е. Книпович в периодической печати, — а она продолжает работать энергично, неутомимо! — чтобы вновь убедить: диапазон ее интересов отнюдь не сузился. И не остается боевой задор критика-публициста.

И все-таки при всем многообразии затронутых тем статьи Е. Книпович всегда продиктованы единой общей заботой об успехах нашей литературы. А успехи литературы определяются «открытием» нового героя, человека-творца, носителя передовых идей века. Об этом критик говорит в статье «Верность ленинской правде», которая открывает сборник и, как камертон, определяет его внутреннюю настрой.

В. ГАЛАНОВ